

№ 485

В Научный Отдел ГЛАВНАУКИ.

26/II-25

Сретенский бульвар, 6.

Возвращая при сем присланное при отношении от 3-го февраля с.г. за № 1423/Н заявление гр. Моисея Шеломы Берковича ШНЕЙДСОНА, ходатайствующего о возвращении ему обратно эвакуированной им осенью 1915 года, в связи с военными действиями, из местечка Любавичи, Оршанского уезда, Могилевской губернии, общирной библиотеки на древне-еврейском языке, которая долгое время находилась на бывших Кокоревских складах в Москве, а весной минувшего года была перевезена в бывшую Библиотеку Румянцевского Музея, Публичная Библиотека Союза ССР имени В.И. ЛЕНИНА сообщает Научному Отделу Главнауки, что изложенное ходатайство гр. ШНЕЙДСОНА было внесено на рассмотрение Ученого Совета Ленинской Библиотеки, который после тщательного и всестороннего обсуждения настоящего дела в заседании 12-го февраля с.г. не признал возможным удовлетворить просьбу заявителя. Основанием для такого постановления Ученого Совета послужили следующие соображения:

1/ библиотека эта, вопреки утверждению бывшего собственника, должна рассматриваться именно как бесхозяйное имущество, т.к. гр. ШНЕЙДСОН не озаботился своевременно зарегистрировать ее в Библиотечном Отделе Наркомпроса, как это требовалось в то время декретами Совета Народных Комиссаров от 17-го Июля и 26-го Ноября 1918 года.

Из заявления его не видно также, чтобы у него имелась на эту библиотеку охранная грамота от Библиотечного Отдела Наркомпроса. Такую грамоту, на основании постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 8-го Сентября 1918 года /Изв. В.Ц.И.К. от 10 Сентября 1918 г. № 195/ обязан был иметь всякий гражданин, располагавший собранием книг свыше 500 томов.

2/ Несоблюдение гр. ШНЕЙДСОНОМ этих "ормальных требований" закона имело своим последствием то, что при национализации бывш. Кокоревских Складов, библиотека его, как нигде незарегистрированная и не снабженная охранной грамотой, была передана Отделом Научных Библиотек Наркомпроса Румянцевскому Музею, о чем в делах Музея имеется официальное извещение

Отдела Научных Библиотек от 1919 года за № 4229 /копия этого отношения при сем прилагается/;

3/ Изложенное делает непонятным, какое "наблюдение сам гр. ШНЕ РСОН или его доверенные лица могли иметь за этой библиотекой", раз с 1919 года она составляла уже не его собственность, а являлась достоянием Румянцевского Музея, который, правда, смог вывезти ее из складов к себе лишь весной 1924 года. Садержка в вывозе произошла, однако, не по вине Музея, а единственно из за недостатка средств на перевозку, которые сказались в распоряжении Музея только прошлой весной.

4/ Представляется странным, почему гр. ШНЕ РСОН, ссылавшийся в своем заявлении на то, что будто бы он "возбудил уже однажды ходатайство о возвращении ему этой библиотеки, как законному ее собственнику и это ходатайство было удовлетворено Библиотечным Отделом Наркомпроса", не представляет в подтверждение своего совершенно голословного заявления подлинного распоряжения Библиотечного Отдела о возвращении ему библиотеки или надлежаще засвидетельствованной копии с него. Представление такого документа тем более необходимо, что в делах Румянцевского Музея такого контр-распоряжения Библиотечного Отдела Наркомпроса не имеется и нет никаких указаний на то, чтобы оно действительно имело место.

5/ Помимо приведенных выше чисто формальных оснований, вполне, впрочем, достаточных для отклонения ходатайства гр. ШНЕ РСОНА, необходимо указать еще и на существо дела. Сам гр. ШНЕ РСОН характеризует свою библиотеку как "ценное собрание книг богословского и богослужебного характера на древне-еврейском языке, составлявшееся в продолжении многих десятков лет его отцом и дедом, бывшими еврейскими раввинами". Оценка эта вполне совпадает с отзывом об этой библиотеке Заведующего Еврейским Отделом Ленинской Библиотеки С.И. АЛЗЕНТАДТА, по заключению которого библиотека эта представляет исключительный интерес и высокую научную ценность. Независимо от своего содержания, книги, входящие в состав этой библиотеки, являются редкими уже по одному тому, что они представляют собой единственные памятники книгопечатания гражданско-печати ХУ111 века, которое в то время на Украине и в Белоруссии производилось только на еврейском хижке и польском языках.

Отдела Научных Библиотек от 1919 года за № 4229 /копия этого отношения при сем прилагается/;

3/ Изложенное делает непонятным, какое "наблюдение сам гр. ШНЕЙДСОН или его доверенные лица могли иметь за этой библиотекой", раз с 1919 года она составляла уже не его собственность, а являлась достоянием Румянцевского Музея, который, правда, смог вывезти ее из складов к себе лишь весной 1924 года. Задержка в вывозе произошла, однако, не по вине Музея, а единственно из за недостатка средств на перевозку, которые сказались в распоряжении Музея только прошлой весной.

4/ Представляется странным, почему гр. ШНЕЙДСОН, ссылавшийся в своем заявлении на то, что будто бы он "возбудил уже однажды ходатайство о возвращении ему этой библиотеки, как законному ее собственнику и это ходатайство было удовлетворено Библиотечным Отделом Наркомпроса", не представляет в подтверждение своего совершенно голословного заявления подлинного распоряжения Библиотечного Отдела о возвращении ему библиотеки или надлежаще засвидетельствованной копии с него. Представление такого документа тем более необходимо, что в делах Румянцевского Музея такого контр-распоряжения Библиотечного Отдела Наркомпроса не имеется и нет никаких указаний на то, чтобы оно действительно имело место.

5/ Помимо приведенных выше чисто формальных оснований, вполне, впрочем, достаточных для отклонения ходатайства гр. ШНЕЙДСОНА, необходимо указать еще и на существо дела. Сам гр. ШНЕЙДСОН характеризует свою библиотеку как "ценное собрание книг богословского и богослужебного характера на древне-еврейском языке, составлявшееся в продолжении многих десятков лет его отцом и дедом, бывшими еврейскими раввинами". Оценка эта вполне совпадает с отзывом об этой библиотеке Заведующего Еврейским Отделом Ленинской Библиотеки С.И. АЛЗЕНТАДТА, по заключению которого библиотека эта представляет исключительный интерес и высокую научную ценность. Независимо от своего содержания, книги, входящие в состав этой библиотеки, являются редкими уже по одному тому, что они представляют собой единственные памятники книгопечатания гражданского печатного дела ХУ111 века, которое в то время на Украине и в Белоруссии производилось только на еврейском и польском языках.